

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

О ТОМ КАК ЮЙ БО-Я, ЛЮТНЮ РАЗБИВ, ПРОСТИЛСЯ С «ПОНЯВШИМ ЗВУК».

(Новелла из сборника «Цзинь-Гу Ци-Гуань»)

Новеллы из сборника Цзинь-гу ди-гуань — «Удивительные картины людей в древности и теперь», в количестве 40 рассказов, насчитывают более 600 страниц убогистого китайского шрифта; время написания и первые издания их относятся к концу XV века. Автор этого популярного произведения неизвестен.

Сборник рисует нам быт Китая в разные эпохи его исторической жизни. Он написан особым компромиссом литературного языка с разговорным. Язык этот с полной свободой, как в сторону классических намеков и цитат, так и в сторону простых разговорных форм, придает рассказам особенный, живой колорит.

Переводов на европейские языки из данного сборника делалось немало, и такие знатоки, как Abel Rémusat, St. Julien, Hervey de Saint-Denys, W. Grube, и др. ставили под ними свои фамилии. На русском языке существует, кажется, только три перевода, данный же рассказ не появлялся в переводе вовсе.

Автор его позволяет себе как ряд анахронизмов, вроде «чая», который не был известен в эпоху рассказа, так и употребление особых форм вежливой речи, которые при своей поздней конфуцианской форме не могли еще существовать в то время.

Эта вежливая речь, характерная для традиционной конфуцианской культуры Китая, изобилует такой массой оттенков, которую невозможно пересаживать буквально на русскую почву без ущерба для литературности перевода.

Что же касается стихов, вкрапленных в текст, то они отличаются безыскусственностью, иной раз сохраняя фактически форму классических стихов, завещанных великой эпохой Тан, но по внутреннему духу и выбору слов опять таки представляют нечто живое, порой сбиваясь даже и в размере до «разговорных» стихов, особенно ярко выраженных в Китае ныне.

Принцип перевода — возможная дословность в прозаических частях и передача китайских размеров в стихах путем русского размера равностопного китайскому.

* * *

Как деньги Бао-шу делил, расскажу вам я...
 Напев и лютню Юй Бо-Я кто сумел понять?
 Теперь в общении людей — лукавство духов
 злых?
 и безответно средь морей сердце Юй Бо-Я.

Из древних рассказов о крепкой дружбе нет лучше рассказа о Гуане и Бао. Гуань — это Гуань И-у, а Бао — это Бао-шу-Я ¹⁾. Оба они занимались торговлей, а полученную прибыль делили между собой. Но в то время, как Гуань И-у брал себе много, Бао-шу-Я не считал это за жадность, зная, что тот беден.

Затем случилось, что Гуань И-у попал в тюрьму. Тогда Шу-я освободил его и по своей протекции сделал министром в царстве Ци.

Такого рода друг и есть настоящий друг, тот, который тебя понимает.

Есть несколько родов такого понимания:

когда людей соединит благородство, назовем это так: «тебя оценили»,

когда сердца озарят друг друга, назовем это: «понимать сердце»,

а когда соединят людей звуки, это назовем: «понимать звуки».

В наши дни все это вообще называется «понять друг друга».

Итак, слушая старую историю Юй Бо-я, те из вас, уважаемые мои читатели, которые желают слушать, приблизьте уши и внимайте, а кто не желает, может поступать, как ему будет угодно, ибо ведь:

Говорит «понимающий звук» и ему «понимающий звуки» внимают,
 но не стоит совсем говорить тому, кто звуков не понимает.

Приступим к рассказу.

Во времена «Борьбы царств» ²⁾ был один знаменитый человек, по фамилии Юй, по имени Дуань, по прозвищу Бо-я, родом из Ин, столицы царства Чу, что в нынешнем округе Цзин-чжоу, в Ху-гуан'е ³⁾. Но, хотя этот Юй Бо-я и был из Чу, служебная звезда его пала на царство Цзинь ⁴⁾, где он и служил, достигнув должности советника. Поэтому он удостоился повеления цзиньского властителя отправиться в царство Чу, с поручением к Чу'сскому царю. Бо-я добивался этого назначения во-первых потому, что при своих больших талантах он мог не уронить достоинства своего государя в этом деле, а во-вторых потому, что он хотел кстати взглянуть на свои родные места, и, таким образом, как говорится, «за-раз достичь того и другого».

И вот, отправившись сухим путем, он прибыл в столицу Ин, представился Чу'сскому царю и доложил ему о деле своего государя. Чу'сский царь устроил в честь его пир и щедро наградил. Так как город Ин был

его родиной, «землей тутовых деревьев», как говорят, то он не мог не взглянуть на могилы родных своих, не навестить и друзей.

Однако, каждый служит своему господину и потом, ведь, на него возложено было дело государя; не смел он медлить и оставаться. И вот, покончив со своими делами, он откланялся Чу'сскому царю. Тот одарил его золотом, парчей и высокой колесницей с четверкой лошадей. Бо-я, который 10—20 лет не видел царства Чу, помнил реки и горы своей родной страны и ему захотелось вволю налюбоваться ими, без стеснения сделав крюк. Поэтому он позволил себе обратиться к Чу'сскому царю с такими словами:

— Ваш слуга к несчастью нездоров и не вынесет быстрого бега коней в повозке. Прошу одолжить вашему слуге лодку и весла; это будет лучшим для него лекарством!..

Чу'сский царь позволил и велел начальнику речных путей отпустить два больших судна; одно главное, другое вспомогательное. В главном судне должен был помещаться посол Цзинь'ского государства, во втором же должны были разместиться слуги с багажом. На обеих этих лодках были орхидейные расписные весла, парчевые палатки и высокие паруса; все в полной исправности.

Затем придворные толпой проводили его до реки и здесь простились.

Любуясь на природу, в поспехах красот,
не думаешь о горной дали, шири вод!..

Бо-я был высоко-одаренным человеком, и красота тех гор и рек захватила его чувства. Распустив парус, уносясь по тысячам скатов лазурных волн, он смотрел без конца на сгущенную бирюзу далеких гор, на сверканье и блеск широких вод, и через несколько дней достиг устьев реки при слиянии ее с Ян-цзы около Хань-яна ⁵⁾.

В это время была ночь восьмого месяца, пятнадцатого числа «Средней Осени» ⁶⁾. Внезапно подул ветер, поднялись валы и полил дождь, так что лодки не могли двигаться вперед и пристали к берегу возле утеса. Немного времени спустя ветер утих, волны улеглись, дождь перестал, тучи разорвались и выплыла полная светлая луна. Блеск ее после дождя был сильнее обыкновенного.

Бо-я, одиноко грустя, сидел в каюте лодки. Он приказал мальчику-слуге возжечь благовония в курильнице и подать лютню, чтобы развеять печальные думы. Мальчик возжег куренья и, принеся лютню в футляре, положил ее на столик. Бо-я, открыв футляр, вынул лютню, настроил струны, подвернул колки и заиграл. Не успел он кончить, как под пальцами с резким звуком оборвалась струна. Бо-я, очень испуганный, приказал мальчику пойти и спросить капитана: «в каком месте находится наше судно?»

— Из-за внезапной непогоды, — ответил лодочник, — пристали мы к подножию утеса! Хоть здесь и есть немного трав, деревьев, но нет жилья людского!

«Ведь это пустынные горы», — подумал в страхе Бо-я, — «Если бы был здесь город или поселок, то, конечно, нашелся бы умный, ученый

человек, тайком слушавший мою лютню, и тогда бы, конечно, звук ее мог вдруг измениться и струна так странно порваться. Но кто может у пустынного утеса слушать мою лютню?.. Ага! Знаю!.. Вероятно, это наемный убийца, подсланный врагами, иль, может быть, разбойник, ожидающий более позднего часа, чтобы проникнуть на судно и похитить мои богатства. Сейчас же позову моих слуг, чтоб вместе выйги на берег и обыскать. Он, если не в глухом месте, в ивах, то, наверно, в чаще камышей».

И вот, по его приказу созвали слуг и уже приготовились выскочить на берег, как вдруг Бо-я услышал, что кто-то с берега сказал:

— Вам, сударь в лодке, не следовало бы проявлять подозрений. Ваш ничтожный слуга вовсе не из числа воров, а просто-на-просто дровосек. Уйдя за хворостом, возвращался я вечером, как вдруг меня захватил внезапный ливень и бешенный вихрь. А так как дождевое платье не могло защитить меня от непогоды, я спрятался под утесом, и тут, услышав вашу красивую игру, сударь, решил немного задержаться и внять лютне!..

Бо-я расхохотался.

— Как, — сказал он, — человек, который рубит дрова в горах, смеет произносить слова «внимать лютне»?!. По ним я не могу судить правда это или вздор... да и считаться с ними не хочу!..

Слуги стали кричать тому человеку, чтоб он убирался, но тот не уходя, громко заявил с берега:

— Ваши слова, сударь, несправедливы! Разве вы не слышали, что в селеньи из 10-ти домов всегда найдется преданный и честный, что «коль в доме благородный человек, — к нему извне придет такой же»?!. 7)

Если вы оскорбительно для нас думаете, что в горной глуши нет внимающего лютне человека, то в этот поздний почной час, у пустынного берега вам бы тоже не следовало играть на лютне!

Бо-я, заметив, что человек этот говорит не просто, подумал: «а вдруг это действительно настоящий ценитель лютни, умеющий ее слушать», и, остановив слуг, велел им больше не кричать, сам же подошел к дверям каюты и, сменив гнев на радость, спросил:

— Господин, стоящий на берегу! Раз вы слушали лютню, то значит, стояли там долго и быть может, знаете, что за мелодию я только что здесь играл?

Человек тот ответил:

— Ваш ничтожный слуга, если бы не знал, то наверно бы не пришел слушать лютню. То, что вы, сударь, только что играли, это песнь «Конфуций вздохнул о Янь-Хой'е» 8). Слова же песни гласят:

Как жаль, что Янь-Хой'ю сужден был от Неба увы! столь короткий век!

Ведь это при думе о нем заставит виски побелеть, как снег!

И только за то, что живя в закоулке, был рад он из тыквы пить...

Когда вы дошли до этой последней фразы, струна оборвалась и вы не успели начать четвертую строку. Ваш ничтожный слуга ее еще помнит:

навек оставил потомству он славу, как мудрый святой человек.

Бо-я, услышав эти слова, сильно обрадовался и сказал:

— Почтенный человек, да вы действительно не простой грамотей!..
Берег далёк, и трудно спрашивать и отвечать!..

И он приказал слугам перекинуть трап и попросить почтенного господина войти в лодку, чтобы можно было поговорить побольше.

Слуги спустили трап, и, когда тот человек поднялся на судно, то действительно оказался дровосеком. Голову его покрывала соломенная шляпа, на нем был травяной плащ, а в руках он держал коромысло с дровами. За поясом был топор, на ногах же—соломенные сандалии.

Слуги умели разговаривать и по хорошему и по дурному.

Увидав, что это дровосек, они отнеслись к нему презрительно, сверху вниз, и прикрикнули:

— Эй, ты, дровосек! Ступай в каюту представиться нашему господину! Когда он спросит тебя о чем-либо, отвечай осторожно! Он, ведь, очень важная персона!..

Дровосек оказался человеком серьезным.

— Милостивые государи, — сказал он, — не нужно быть такими грубыми. Дайте мне сначала привести себя в порядок и я пойду представиться.

Он снял свою соломенную шляпу, и на голове его оказалась повязка из синего холста, скинул дождевой плащ из травы, и на нем оказалась рубаша из грубой голубой ткани. Сняв пояс, он повесил его на шею, и показался низ холщевых штанов. Не смущаясь, не торопясь, собрав свои рогожи, корзины, коромысло и топор, он всё это сложил у дверей каюты, затем снял свои соломенные сандалии, отмыл приставшую грязь, и, снова надев их, не спеша вошел в каюту.

В каюте перед хозяином ярко горела свеча.

Дровосек с жестом приветия, но не преклоняя колен, сказал:

— Приветствую вас, сударь!..

Юй Бо-я занимал весьма высокий пост в царстве Цзинь. Стал бы он обращать внимание на человека, одетого так просто! И он подумал, что если сойти с места и сделать ответное приветствие, то как бы не унижить своего сановного достоинства. Но, раз он сам просил гостя подняться в лодку, тем более не хорошо было прогнать его прочь. И Бо-я, не зная, что делать, чуть приподняв руки для приветствия, сказал:

— Оставим этикет, почтеннейший.

И он крикнул мальчику дать гостю сесть. Мальчик, взяв табурет, поставил у края стола. Бо-я, не церемонясь, обратился я дровосеку и натянуто сказал:

— Садись-ка!..

(«Ты» и «я»: ⁹) видите сами, какая небрежность!)

Но дровосек, не ответив вежливым самоуничижением, чинно сел.

Бо-я, заметив, что тот уселся, не доложив ему об этом, был слегка изумлен и разгневан. Поэтому, не осведомляясь о фамилии и имени, не приказав слугам подать чаю, он долго сидел молча, пока, наконец, не спросил с удивлением:

— Так это действительно ты только что слушал с берега мою лютню?

— Смею ли... — ответил дровосек.

— В таком случае я тебя спрашиваю, — сказал Бо-я, — раз ты пришел слушать лютню, то, конечно, знаешь об ее происхождении: кто её сделал и что хорошего в игре на ней?..

Как раз на этом вопросе пришел рулевой с докладом.

— Погода стихла. Светло от луны, как днем. Можно отплывать, — сказал он.

Бо-я приказал немного подождать.

Но дровосек сказал:

— Господин соизволил снизойти до вопроса ко мне, ничтожному человеку. Однако, если подробно о нем толковать, то, пожалуй, я надоем и боюсь, что из-за этого вы пропустите плавание с попутным ветром.

— Я боюсь только того, — насмешливо заметил Бо-я, — что ты не знаешь законов лютни. Если же в твоих суждениях будет смысл, то даже не идти на службу из-за этого, и то небольшая важность. А тем более отплыть, позже или раньше!..

— Раз так, — отвечал дровосек, — то позволю себе нескромность начать.

Эта лютня вырезана императором Фу-Си ¹⁰⁾. Он увидал, как живородящая сущность пяти планет упала на дерево «у-дун», и как фениксы «Фын» и «Хуан» ¹¹⁾ явились к нему на поклон. Фын — царь среди птиц; не вкушает ничего кроме плодов бамбука, не сидит ни на чем, кроме дерева «у-дун» и пьет только из «Винного Источника». Так Фу-Си узнал, что «у-дун» — лучший материал, ибо дерево это овладело творческой силой природы и годилось для музыкального инструмента. И он повелел людям срубить это дерево. Высотой оно было в три «чжана» три «чи» ¹²⁾ сообразно с 33-мя небесами.

Фу-Си разделил его на три части, имея ввиду три мира: Небо, Землю и Человека. Взяв верхнюю часть, он ударил по ней. Звук был слишком чист, и, так как она была чрезмерно легка, то Фу-Си её отверг. Затем он взял нижнюю часть и ударил опять. Звук ее был слишком мутен, и, так как она была чрезмерно тяжела, он отверг и её. Тогда взял он среднюю часть и ударил по ней. Звук ее был в должном соответствии, легкость и тяжесть также сочетались в ней. Он положил этот кусок в вечнотекущую воду и вымачивал 72 дня, сообразуясь с 72-мя периодами года.

Потом он вынул его и высушил в тени. Выбрав счастливый день и час, с помощью высоко-искусного мастера Лю-Цзы-ци, он обтесал и сделал из него музыкальный инструмент. Музыка его была музыкой с Янтарного пруда ¹³⁾, и он назвал этот инструмент «Лютней Янтарной».

Длиной она была в три «чи» шесть «цуней» и один «фэнь», сообразно с 361 ступенью неба, передний конец был шириной в 8 «цуней», сообразно с восемью периодами года, ширина заднего конца была в 4 «цуня», сообразно четырем временам года, толщиной же была в два «цуня», сообразно с двумя ликами мира — Инь и Ян ¹⁴⁾. И был конец ее

в виде золотого отрока, середина в виде яшмовой женщины и основание в виде бессмертного гения.

И были на ней «Пруд Дракона», «Бассейн Феникса», яшмовые колки, золотые перекладки. Всего тех перекладок было 12, по числу двенадцати лун, и была еще одна средняя перекладка, соответствовавшая добавочной луне. Сначала на ней было 5 струн, внешне соответствуя пяти элементам: металлу, дереву, воде, огню и земле, а внутренне — пяти тонам: гун, шан, цзюэ, чжэн и юй. Позднее, во времена Яо и Шуня ¹⁵⁾, когда они играли на этой пятиструнной лютне и пели стихи о «Южном Ветре» ¹⁶⁾, — в Поднебесной царил великий порядок. Затем, когда Чжоу'сский князь «Вань» ¹⁷⁾ был заключен в тюрьму в Ю-ли, то он, оплакивая сына своего Бо-И-као, прибавил еще одну струну, для чистой, глубокой печали и ропота, и с тех пор называли её «струной князя Просвещенного».

Потом, когда князь У ¹⁸⁾ разбил императора Чжоу-синя, то он для пения и пляски прибавил еще одну струну, выражавшую чувства доблести и отваги. С тех пор называли её «струной князя Воинственного».

Сначала было пять струн на тоны гун, шан, цзюэ, чжэн и юй, а затем, с прибавлением еще двух струн, названа была эта лютня «Семи-струнной Лютней князей Ваня и У».

У лютни этой есть шесть случаев запрета, семь — неигры, и восемь отменных свойств.

Что-же это за шесть запретов?

Первый случай — сильный холод,
а второй — жара большая.
Третий случай — сильный ветер,
а четвертый — сильный ливень.
Пятый случай — гром внезапный,
а шестой — обильный снег.

Что же это за семь случаев неигры?

Услыхав о смерти — не играет,
слыша лютню — не играет,
есть заботы — не играет,
не очистил тела — не играет,
если не одет пристойно — не играет,
не возжечь курений — не играет,
нет того, кто звуки знает — не играет.

Что ж это за восемь отменных свойств?

В общих словах, это музыка:

Нравственная, тайная, классическая, чистая,
томная, печальная, протяжная, торжественная.

Именно в этом высшая красота и высшее благо игры на лютне.

Ревущий тигр, услышав её, замолкает, и тоскующие обезьяны, услышав, перестают выть. В этом и есть прелесть настоящей классической музыки.

Когда Бо-я услышал, что дровосек отвечает ему так гладко, он, всё-таки сомневаясь, не просто ли это человек, говорящий по наслышке, подумал:

«Если это так, попробую-ка еще раз испытать его!»

Но теперь уже не говоря с ним, как раньше, на «ты», спросил снова:

— Раз вы, уважаемый человек, понимаете толк в музыке, то скажите:

В свое время Конфуций играл на лютне у себя в доме. Янь-хой входил снаружи и услышал в лютне тайно-тяжелые звуки, как будто в играющем была жажда убийства. Удивленный, он спросил про это. Конфуций сказал: «Я только что играл на лютне, как вдруг заметил кошку, ловившую мышь. Желая, чтоб кошка ее схватила, я боялся, как бы она не упустила ее, и эта жажда убийства тотчас же проявилась в струнах и дереве инструмента». Из этого примера видно, насколько законы музыки в школе Совершенного Мудреца были утончены! Скажите, если бы ваш слуга стал играть на лютне и в сердце моем были бы думы, смогли бы вы, почтенный человек, на слух узнать их или нет?

Дровосек ответил:

— В Одах Мао ¹⁹⁾ сказано:

«Когда другой имеет думу,
отгадываю мысль его!»

Испытайте, сыграв мне что-либо, сударь, и ничтожный слуга ваш постарается всей душой отгадать. Если же не отгадаю верно, — простите!

Бо-я, сорвав старую струну, натянул новую, затем погрузился в думу и так сидел долго. Мысли его были в это время в высоких горах.

Он тронул лютню и заиграл. Дровосек похвалил.

— Как красиво! Безбрежно, бескрайно! Ваши мысли, сударь, в высоких горах, — сказал он. Бо-я, не отвечая, снова взял лютню, сосредоточил свой дух и снова заиграл. Мысли его были в это время в текучих водах.

Дровосек опять похвалил и сказал:

— Как красиво! Широко, просторно! Ваши мысли, сударь, в текущей воде.

Оба раза он выразил именно то, о чем думал Бо-я, и тот очень поразился. Отложив лютню и встав, он приветствовал его, как хозяин гостя, по этикету.

— Ах, простите, простите меня! — воскликнул он. — Среди каменных пород бывают залежи драгоценной яшмы. Если по платью принять человека, то разве нельзя обмануться по отношению к просвещеннейшему ученому в Поднебесной! Сударь, ваше высокое имя и ваша прекрасная фамилия?

Дровосек склонился и ответил:

— Фамилия вашего покорного слуги — Чжун, имя — Хой, а скромное прозвание — Цзы-ци.

Бо-я сложил руки для приветствия.

— Итак, вы — господин Чжун Цзы-ци, — сказал он.

В свою очередь Цзы-ци осведомился:

— А какова ваша высокая фамилия и где ваше славное место службы?

— Ваш слуга Юй Дуань, служит при Цзинь'ском дворе и приехал от государя с визитом в ваше высокое государство...

— Так значит вы — сановник Бо-я! — сказал Цзы-ци.

Бо-я пересадил его на почетное место гостя, а сам сел на месте для хозяина. Он приказал мальчику приготовить чаю, а после чаю велел подать вина.

— Позвольте удостоиться беседы с вами, — сказал Бо-я, — простите за мою простоту и домашнее угощение!..

— Смее ли... — возразил Цзы-ци.

Мальчик убрал лютию и оба они, сев за стол, стали пить вино.

Бо-я опять начал разговор, спросив:

— Вы, сударь, насколько я понял поговору, уроженец Чу? Не знаю только вашего почтенного местожительства.

— Оно неподалеку отсюда. Название местности — гора Ма-ань, деревня Ци-сянь — «Собрание Талантов», очень глухое место.

Бо-я наклонил голову.

— Это поистине прекрасное собрание талантов!.. — польстил он, играя словами, и затем снова спросил, какого рода искусством Цзы-ци там занимается.

— Да только вот этой самой рубкой дров, — ответил Цзы-ци.

Бо-я незаметно улыбнулся.

— Господин Цзы-ци, ваш слуга не смеет надменно говорить о ваших делах, но почему же вы не добиваетесь ни славы, ни почестей, ни присутствия в Совете государя, ни того, чтобы имя ваше записано было в государственных анналах?.. Почему, наоборот, вы все свои мечты ограничили лесами и ручьями, смешав свои следы с дровосеками и пастухами?.. Вместе с травами и деревьями вы увядаете здесь. Позвольте на вашем месте, почтенный друг, считать это для себя неприемлемым!

— Не скрывая истины, — ответил Цзы-ци, — это потому, что во-первых в моей хижине живут двое престарелых родителей, во-вторых они уже не могут работать сами, и вот я коротаю свой век, собирая топливо, чтобы дать им возможность дожить свои последние годы. Хотя бы мне предложили пост министра, и то я не хотел бы сменять на него мои каждодневные заботы.

— Таку сыновнюю почтительность трудно сразу найти! — воскликнул Бо-я.

Оба они выпили по разу, один за другим. Цзы-ци, был ли он унижен со стороны Бо-я или почтен им, несколько этому не удивлялся, и Бо-я все больше и больше чувствовал к нему симпатию.

— Сколько вам лет, Цзы-ци? — задал он снова вопрос.

— Их, попусту прожитых, двадцать семь, — ответил тот.

— Я старше вас на десять лет, — сказал Бо-я. — Если вы не откажетесь, то давайте побратаемся. Понимающим звуки нельзя не быть друзьями.

— Вы ошибаетесь, сударь, — улыбнувшись сказал Цзы-ци, — ведь вы — знаменитый вельможа в вашем высококом государстве, а я — ничтожный человек из бедной деревни. Безумием считаю смелость рассчитывать на ваше благосклонное внимание, и ощущаю стыд, когда вы снисходите ко мне.

Бо-я возразил:

Хоть полон целый свет знакомых,
но кто из них понять сумеет сердце?

Ведь ваш слуга хлопочет, мечется в суетном мире — и вот удостоился заключить дружбу с высоко-талантливым человеком. Это, действительно, величайшее счастье всей моей жизни! Ведь если бы я считался с богатством и бедностью, отличающими нас, то к какому же сорту людей тогда причислите вы меня, Юй Дуаня?

Затем он приказал мальчику зажечь свежую свечу, вновь воскурить лучшие ароматы, и вот, в каюте судна, вместе с Цзы-ци совершил он восемь поклонов по обряду братания. Бо-я, старший по летам, сделался старшим братом, а Цзы-ци — младшим; они решили отныне и впредь называться так и быть друзьями на жизнь и смерть.

Снова приказав подать теплого вина, Бо-я вновь налил, а Цзы-ци уступил ему свое почетное место. Бо-я же переместил их чарки и палочки²⁰⁾, и Цзы-ци сел на его место. Называя друг друга старшим и младшим братьями, они стали разговаривать по душам.

Ведь:

Когда придет желанный гость, не устают сердца!..
Коль слушает «понявший звук», беседе нет конца!

Погрузившись в беседу, они не заметили, как побледнела луна, и переделали звезды, а на востоке стало светать.

Все матросы на судне уже поднялись, готовя паруса и снасти, приводя в порядок лодку. Цзы-ци встал и начал прощаться. Бо-я поднял еще одну чарку вина и, передав ее Цзы-ци, взял его за руку, вздохнул и сказал:

— Почему мы так поздно встретились с тобой, мой дорогой брат, и так рано должны расстаться?

Цзы-ци, услышав эти слова, не заметил, как слеза-жемчужина капнула прямо в чарку. Он выпил ее до дна и в свою очередь, наполнив вином, почтил Бо-я. У каждого из них в душе были любовь и неразрывная привязанность.

— Твой старший брат еще слишком полон чувства, — сказал Бо-я, — и хочет во что бы то ни стало побыть еще несколько дней с тобою, путешествуя вместе, но не знаю, возможно это или нет?..

— Ваш младший брат, — ответил Цзы-ци, — тоже, конечно, хотел бы сопровождать вас, но как быть с моими родителями, которые так стары годами?

«Пока отец и мать мои живы, я не могу далеко уезжать от них!»²¹⁾

— Раз эти два достойных человека находятся в твоём доме, — возразил Бо-я, так возвратись и доложи им, что ты хочешь отправиться в столицу царства Цзинь повидаться со своим старшим братом, и тогда такое путешествие в известное твоим родителям место будет дозволено.

— Ваш младший брат не смеет легкомысленно согласиться и не оправдать доверия, обещав моему брату тотчас же последовать за ним. Ведь, если я доложу об этом родителям, а они не согласятся, то заставив моего благородного брата ожидать там, за несколько тысяч «ли»²²⁾, я окажусь крайне виновным!..

— Мой дорогой брат, ты действительно человек благородства, самого настоящего, искреннего! Итак, в следующем году я сам опять вернусь повидать моего милого брата.

— А когда именно в будущем году прибудет мой благородный брат? я спрашиваю это для того, чтобы мне можно было хорошенько услужить вам...

Бо-я, загнув палец, сказал:

— Прошлая ночь была праздником Средней осени, и нынешний день, когда посветлеет, будет шестнадцатым числом восьмой луны. Дорогой брат мой, я приеду навестить тебя опять в Среднюю осень, дней за пять, за шесть. Если же пройдут дни с 10-го по 20-е число, и я запоздаю до начала последней осенней луны, то значит я обманул твое доверие и не благороден.

И он велел позвать писца, чтоб тот занес в календарь название места, где жил его младший брат а также срок свидания с ним.

— В таком случае, — сказал Цзы-ци, — ничтожный брат ваш в это именно время, в Среднюю осень будущего года, будет ждать вас на речном берегу. Не посмею обмануть вас! Однако, небо уже рассвело. Позвольте уведомить вас об уходе.

— Подожди немного, милый брат мой, — сказал Бо-я, и, приказав мальчику принести два слитка золота, без всякой обертки²³⁾, просто двумя руками, преподнес их своему брату.

— Вот мой ничтожный и обязательный для меня подарок, — добавил он. — Пусть пока это пойдет на что-нибудь вкусное для наших почтенных родителей. Ты — родной мне по духу человек, не считай это неприемлемым для себя и неудобным!

Цзы-ци не посмел отказаться и, сейчас же приняв золото, несколько раз откланялся. С глазами полными слез вышел он из каюты, взял опять свое коромысло, надел травяной плащ и соломенную шляпу, заткнул за пояс топор и перебрался по сходням на берег.

Бо-я проводил его до конца судна и здесь, оба они, обливаясь слезами, расстались. Не описывая, что случилось с Цзы-ци, когда он вернулся домой, расскажем лишь о том, как Юй Бо-я, ударив в гонг, дал сигнал к отплытию, но всю дорогу среди красот гор и рек он не мог уже созерцать и наслаждаться ими. В сердце своем с тоской вспоминал он «понимающего звуки». Еще через несколько дней плавания Бо-я покинул

судно и перешел на берег. Где бы он ни проезжал, все знали, что это важный сановник из царства Цзинь, и не смели медлить, быстро представляя ему коней и повозки, посменно провожали его, так что вскоре он достиг Цзиньской столицы и вернулся к своему повелителю с исполненным поручением. Но это уже не входит в дальнейшее повествование. Неслось время, миновала осень, зима, не почувствовал он, как прошла весна и наступило лето. Бо-я все время думал о Цзы-ци и не было дня, когда бы он забывал о нем. Решив, что праздник Средней осени уже близок, он попросил у Цзиньского государя отпуска на родину.

Тот соизволил разрешить, и вот Бо-я, собрав дорожные вещи, попрежнему отправился кружным водным путем. Садясь на судно, он приказал старшему из команды на всех стоянках тотчас приходить и докладывать о названии места. Как раз настала 15-ая ночь восьмой луны, когда староста известил, что гора Ма-ань недалеко, и Бо-я как будто припоминал прошлогоднюю стоянку, место его свидания с Цзы-ци. Он приказал причалить судно. На дно реки забросили якорь, на берегу забили кол.

Ночь была ясная, светлая, и внутри каюты нить лунного блеска пронизывала красный занавес. Бо-я приказал мальчику поднять штору и тихо вышел из каюты. Встав на носу лодки, он закинул голову и посмотрел на рукоять Небесного Ковша. В глубине вод было сердце неба, а даль растянулась на тысячи «цин'»ов²⁴). Светло было, как белым днем.

И он подумал о встрече в минувшем году с тем, кто понял его, с которым оба они сидели под светом луны. Этой ночью он снова приехал, и вот снова чудесная ночь. Но друг обещал ждать на берегу! Почему же нет ни шагов, ни тени? Уж не обманул ли он?

Подождав еще, Бо-я подумал: «Я заметил, что у берега здесь проплывает немало лодок, а нанятое мною теперь судно не похоже на прошлогоднее и брат мой может не узнать! Ведь в прошлом году игрой на лютне я привлек «понимавшего звуки». В эту ночь попробую тоже, как раньше, сыграть мелодию. Когда брат мой услышит ее, то, конечно, придет со мной повидаться».

И вот Бо-я приказал мальчику принести лютню и столик и поставить их на носу лодки, возжечь курения и приготовить место. Затем он открыл футляр, настроил струны, подвернул колки и только-что заиграл, как вдруг на тоне «шан» струна издала печальный, скорбный звук. Бо-я перестал играть и воскликнул в изумлении:

— Струна на тоне «шан» сразила меня печальным звуком!.. Наверно брата моего постигла в доме печаль. В прошлом году он как-то сказал мне, что годы его родителей уже высоки. Если не отец его умер, то наверно погибла мать. А он, как человек отменного сынопочтения, служит родителям так усердно. Поэтому он решил лучше не исполнить долга по отношению ко мне, чем по отношению к родителям. Вот почему он не пришел! С наступлением дня, когда небо посветлеет, я непременно выйду на берег и разузнаю.

Кликнув мальчика, он приказал ему убрать лютню и столик, спустился к себе и лег в постель.

Всю ночь не спал Бо-я, с нетерпением ждал рассвета, но не рассветало, надеялся на утро, но не брезжило, и он все смотрел, как луна перемещала свой лик по шторе.

Как только солнце встало над горой, Бо-я поднялся, причесался, омылся, привел в порядок платье, повязал голову и приказал одному только мальчику сопровождать его и нести лютню. Взял он также с собой десять «пи»²⁵) золота. «На случай если брат мой в трауре», — подумал он, «можно будет сделать поминальный подарок».

Выйдя на берег, он направился к горе Ма-ань. Не пройдя и десяти «ли», они вышли к долине. Бо-я остановился.

— Почему вы не идете дальше, господин? — почтительно спросил мальчик.

— Горы разветвляются на север и юг, дорога расходится на восток и запад. По выходе из долины, обе эти дороги большие, проезжие, по обеим можно идти, и как знать, которая ведет в деревню Цзи-сянь — «Собрание талантов». Подождем здесь знающего дорогу человека и спросим точнее. Потом можно будет идти дальше.

Бо-я подошел к камню и присел, а отрок поместился за ним. Немного времени спустя, слева на большой дороге, показался какой-то старик. Борода его свисала нитями белой яшмы и волосы завивались серебристым шелком. На нем была соломенная шляпа и грубое платье. В левой руке он держал посох из ротанга, в правой нес бамбуковую корзину. Понемногу он приблизился. Бо-я поднялся, оправил платье, повернулся к нему и приветствовал. Старик тот, не смущаясь, не торопясь, опустил правой рукой потихоньку корзину на землю и, обеими руками приподняв свою палку, возвратил приветствие, сказав:

— Что вы хотите узнать, сударь?

— Позвольте спросить вас, старичек, которая из этих двух дорог ведет в деревню Цзи-сянь?

— Обе эти дороги, — ответил старик, — идут на две деревни Цзи-сянь. По левую руку будет деревня «Верхняя Цзи-сянь», а по правую — «Нижняя Цзи-сянь». До обеих этих деревень тридцать «ли» большого проезжего пути. Вы, сударь, немного прошлись и находитесь теперь как раз на половине. К востоку отсюда будет пятнадцать «ли» к западу — тоже пятнадцать «ли». Не знаю, в какую из этих деревень вам угодно?..

Бо-я молчал и, не отвечая, подумал: «Ведь брат мой умный человек. Почему же он сказал такую несуразность? В день нашего знакомства он, ведь, знал, что здесь две деревни, одна — верхняя, другая — нижняя. Должен бы был сказать яснее!» При этом Бо-я бормотал про себя. Тогда старик тот сказал:

— Сударь, по вашему раздумью, я понял, что сказавший вам о дороге, не сделал разницы между верхней и нижней, а указал лишь

вообще деревню Цзи-сянь и поставил вас в положение, когда негде и не у кого спросить?..

— Да, это так, — ответил Бо-я.

— Видите ли, — начал старик, — в обеих деревнях Цзи-сянь имеется по десять — двадцать семейств и все они в общем, из тех, что ушли от света. Пожить мне еще несколько лет в этих горах и как раз можно будет сказать:

— Я прожил тридцать лет на этом месте, и нет того, кто не был бы родным!

Среди этих семейств у меня найдется, если не родственник, то уж наверное, друг! Раз вы, сударь, идете в деревню Цзи-сянь, значит вы разыскиваете друга. Скажите только, как его фамилия и имя!.. Я, наверно, знаю, где он...

— Ваш ученик, — ответил Бо-я, — идет в дом Чжун'ов.

— Если вы, сударь, идете в дом Чжун'ов, то кого же именно вы разыскиваете там?

— Я ищу Цзы-ци, — отвечал Бо-я.

Когда старик услышал эти два слова: «Цзы-ци», — то из тусклых старческих глаз его так и закапали слёзы.

— Увы, увы!.. — всхлипнул он, застонал и невольно громко зарыдал.

— Цзы-ци, Чжун-Хой — это мой сын, — говорил он, плача, — в прошлом году пятнадцатого числа восьмой луны он, собрав хворост, возвращался вечером домой, но повстречался с вельможей из царства Цзинь, господином Юй Бо-я. Во время долгой беседы мысли и души их пришли в единение. При расставании тот подарил ему три плитки золота, и сын наш, накупив книг, стал усиленно заниматься. Сам я, тупой неуч, никогда ему этого не запрещал. По утрам он рубил дрова и таскал ноши, а по вечерам читал и занимался со всем усердием. Но силы его истощались и он заболел. Прошло еще несколько месяцев — и его не стало...

Едва Бо-я услышал эти слова, как все пять внутренних органов в нем как бы разом порвались, слёзы брызнули ключом и, с громким воплем склонился он к утесу, зашатался и без памяти упал на землю.

Старый Чжун очень испугался, сдержал свои слёзы, бросился поднимать его, и обернувшись к мальчику, спросил:

— Кто этот господин?..

— Да это и есть сам почтенный Юй Бо-я, — ответил ему на ухо отрок.

— Так вот он, лучший друг моего сына! — сказал старик и, подняв Бо-я, стал приводить его в чувство. Бо-я сидел на земле, отплевывая мокроту.

Ударяя в грудь руками, он горько плакал, не переставая, и говорил:

— О, мой благородный брат! Вчера ночью, на причале лодки я говорил, что ты обманул меня!.. Кто же мог знать, что ты уже стал бесплотным духом в недрах потоков земли?! Ты был так одарен и так недолговечен!..

Старый Чжун, отирая слёзы, утешал его.

Кончив плакать, Бо-я встал и снова почтил старого Чжуна глубоким поклоном, не смея уже звать просто «старичком», как раньше, а величая «почтенным дядюшкой», чтобы показать родственные отношения, которые у него были с Цзы-ци.

— Почтенный дядюшка, — сказал он, — сын ваш всё еще находится в гробу дома, или же на кладбище?..

— Трудно рассказать обо всем сразу, — ответил старый Чжун. — Когда мой умерший ныне сын кончался, я с моей старухой сидел перед его постелью, и он падающим голосом сказал:

— «Долгий век и короткий — всё от Неба! Не мог я выполнить Путь служения родителям моим при жизни!.. Заройте же меня, прошу вас, по смерти около горы Ма-ань. У нас есть уговор с Цзинь'ским сановником Юй Бо-я и я хочу выполнить данное слово!» — Я не мог не исполнить последнего желания моего сына. И вот там, где вы проходили, справа от маленькой тропинки, есть холм свежей земли; это могила моего сына Чжун-Хой'я. Сегодня как раз сто дней его памяти, и я со связкой бумажных денег шел сжечь их перед его могилой. Мог ли я ожидать, что встречу с вами, сударь?

— В таком случае прошу вас, почтенный дядюшка, позволить вместе с вами пойти и совершить поклонение перед его могилой, — сказал Бо-я и приказал мальчику взять у старца его бамбуковую корзину. И вот старый Чжун, с посохом в руке, показывал дорогу, а Бо-я следовал за ним, мальчик же шел по пятам. Так они вновь пришли ко входу в долину и там действительно оказался холм свежей земли слева от дороги. Бо-я оправил платье, поклонился и сказал:

— Достойный брат мой! В этом мире, ты был мудрым человеком, по смерти ты стал светлым духом, взирающим на меня. Твой ничтожный старший брат кланяется тебе сейчас — и это вечная разлука!

Кланяясь, он испустил вопль и снова заплакал.

Весь народ у гор и за горами, слева и справа, издали и вблизи, потревоженный этим плачем, отовсюду пришел узнать, в чем дело. А узнав, что это придворный сановник прибыл совершить поклонение Чжун'у Цзы-ци, они окружили могилу и наперебой старались первыми посмотреть.

Так как Бо-я не мог ничего предложить для жертвы, чтобы выразить свои чувства, он приказал мальчику подать янтарную лютню и вынуть её из футляра. И вот, положив её на жертвенный камень, он присел перед могилой и, вытерев две струи слёз, заиграл.

Когда все смотревшие услышали мелодичный звон лютни, они хлопали в ладоши и с громким смехом рассеялись.

— Почтенный дядюшка, — сказал Бо-я, — игрой на лютне, ничтожный слуга ваш хотел оплакать вашего сына, моего брата, потому что скорби моей нет конца. Почему же все они засмеялись?

— Люди из деревенской глуши не понимают законов и смысла мелодии. Услыхав звуки лютни, они сочли это за веселую музыку. Вот откуда этот сильный смех, — объяснил старый Чжун.

— В таком случае, — сказал Бо - я, — быть может вы, почтенный дядюшка, знаете, какую я сыграл мелодию?

Старый Чжун ответил:

— Когда я был молод, я тоже хорошо умел играть, но теперь все пять моих чувств наполовину притупились и я давно уж ничего не смыслю.

— Я только что играл, следуя сердцу и руке, — сказал Бо-я. — Этой небольшой мелодией я оплакал вашего умершего сына. Я спою теперь её вам, а вы послушайте, почтенный дядюшка!..

— Хочу её услышать, — ответил старый Чжун.

И Бо - я запел.

... И припомнилось мне: осенью в прошлом году встретился я с тобой на речном берегу.

Вот: в сегодняшний день снова пришел я к тебе, но, увы! не видать «звук понимавшего» друга!..

Только видна насыпь могильной земли...

Горькая боль!.. Сердце сражает мне мука!..

Рана на сердце, рана на сердце, рана в сердце моем!..

Нет, не стерпеть! Слезы обильно текут...

Радость придет и уйдет; с кем поделюсь?

Разве лишь с тучами, что над рекою встают.

Друг мой Цзы-ци, друг мой Цзы-ци! Дружба ценнее, чем золото. Связаны ею мы

Пусть я пройду до края небес! — Не с кем уже говорить!

Эта мелодия кончена. Ах, больше не буду играть...

Лютня «Яо» в три «чи» длиной ради тебя умрет!

Затем он достал из под платья нож и разрезал струны лютни. Обеими руками подняв её, он изо всех сил ударил о жертвенный камень на могиле, и от удара раздробились яшмовые колки, соскочили золотые подставки. Старый Чжун в испуге спросил:

— Зачем же вы сломали эту лютню, сударь?!

И Бо - я ответил:

Лютню «Яо» я сломал; «Фын»'у ²⁶⁾ — холодать!

Если нет Цзы - ци со мной, для кого играть?

Все лицо в осеннем ветре... все мне здесь друзья!

«Понимающего звук» трудно отыскать.

— Как все это грустно, как грустно... — сказал старый Чжун.

— Ваш высокочтимый дом находится в Верхней или Нижней Цзи - сян? — спросил Бо - я.

— Моя лачуга в деревне Верхняя Цзи - сян, восьмой дом, как раз... Но зачем вы, сударь, спрашиваете об этом?

Тогда Бо - я сказал:

— Ваш слуга ранен горем в сердце... Сейчас не смею последовать за вами, почтенный дядюшка, в ваше высокое жилище. Но при мне есть

десять «и» золота. Половину этих денег я истрочу за вашего сына на расходы по вашему столу, а на другую половину надо купить несколько «му»²⁷⁾ жертвенной земли для покрытия расходов по ежегодному приведению в порядок могилы. Когда я возвращусь к нашему двору, то доложу моему государю о выходе в отставку, о «возвращении на родину», как говорят, и затем приеду в вашу деревню. Я встречу вас с тетужкой, чтобы привести вас обоих в мой скромный дом, где вы и скоротаете положенные вам от неба годы. Я — это Цзы-ци, Цзы-ци — это я! Не считайте же меня, почтенный дядюшка, за постороннего и не отказывайтесь!

Затем Бо-я приказал мальчику достать золото, преподнес его собственноручно старому Чжуну и, рыдая, поклонился до земли. Старый Чжун, растроганно плача, ответил поклоном, и после этого, проведя еще с пол-дня, они расстались.

Записав этот рассказ, я назвал его: «Юй Бо-я, лютию разбив, постился с «понявшим звук». Впоследствии кто-то написал по этому поводу следующие стихи:

В дружбе из выгоды — деньги и сила, вот что заманчиво в ней!
 так думал вторично о «звук понимавшем» кто из ученых людей?
 Больше играть Юй Бо-я не стал. Ведь умер Чжун Цзы-ци!..
 Навеки заставил людей говорить о лютике разбитой своей.

Перевед с китайского

Б. А. Васильев

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) В VII веке до Р. Х., Бао-шу Я, уроженец Ци, будучи канцлером в этом уделе, поставил на пост министра своего друга Гуань И-у, знаменитого философа-законника, человека из простой семьи. В своей автобиографии последний говорит:

«Вначале, в тяжелые времена, я дружил с Бао-шу-Я. Когда при разделе богатств, я уделял себе больше, он не считал меня корыстным, зная мою бедность.

Я трижды сражался и трижды бежал, но Бао-шу не считал меня за труса, зная, что у меня старуха-мать. Когда мой князь, которому я служил, был разбит, я попал в тюрьму и был опозорен, но Бао-шу не считал меня опозоренным, зная, что я не стыжусь мелочей, а стыжусь того, что ничего не дал еще миру. Произвели меня на свет родители, понимает же меня — Бао-шу».

2) «Борьба царств», — период с 481 по 221 г. до Р. Х, когда Китай был разбит на множество уделов, враждовавших между собой.

3) В нынешней провинции Ху-Бэй.

4) В нынешней провинции Шань-Сп.

5) На месте нынешнего города Хань-Коу, в провинции Ху-Бэй.

6) Каждый из 4 периодов года делится в Китае на 3 части, т. е. напр. осенний период в 3 месяца распадается на Начальную, Среднюю и Последнюю Осень.

7) Слова Конфуция, сказанные им в своих «Суждениях и Беседах», гл. 5 § 27.

8) Янь-Хой, любимый ученик Конфуция, умерший в раннем возрасте.

9) В Китае принято в вежливом разговоре употреблять уничижительные местоимения для 1-го лица и восхвалительные для 2-го.

10) Фу Си — легендарный император, живший в 3-м тысячелетии до Р. Х., изобретатель искусства письма и музыки.

11) Пара бессмертных птиц, появление которых знаменует мир и счастье.

12) Китайские меры длины: чжан, чи, цунь и фэнь приблизительно соответствуют нашим понятиям: сажень, аршин, дюйм и линия.

13) Легендарный пруд на вершине горы Гунь-Лунь, в царстве бессмертной царицы Сиванму.

14) Инь и Ян — первопричины мира в космологии китайцев.

15) Император Яо (2336 — 2297 до Р. Х.) и император Шунь (2297 — 2208 до Р. Х.) — примеры правопорядка и разумной власти.

16) Эти стихи о Южном Ветре, сочиненные императором Шунем, которые он пел, играя на лютне, гласили:

«Аромат Южного Ветра может развеять ропот нашего народа,

При Южном Ветре можно увеличить богатства нашего народа».

Южный Ветер — это дыхание мягкосердечности и благородства.

17) и 18) Князь Вань — «просвещенный», был отцом князя У — «Воинственного», свергнувшего последнего развратного императора Шан'ской династии Чжоу-Синя и основавшего новую династию Чжоу (1122 — 255 до Р. Х.).

19) Оды Мао — т. е. древняя Книга Стихов.

20) В знак побратимства.

21) Завет Конфуция, высказанный им в своих «Суждениях и Беседах», гл. IV, § 19.

22) «Ли» — китайская верста.

23) Т. е. без церемонии.

24) «Цин» — квадратная мера, равная 5 десятинам.

25) «И» — мера веса, равная 20 «лан»'ам, основной денежной единице.

26) Фын — павлинье опахало над дорогой лютней.

27) «Му» — китайская десятина.